

Игорь Шестков "Перепрыгнул"

ПЕРЕПРЫГНУЛ

В январе я перепрыгнул через 60. Лет. С моим весом это нелегко.

60 – голубое число, было для советских тружеников мужского пола одним из сакральных чисел, гораздо более важным, чем фундаментальные математические константы π и e . Потому что в шестьдесят лет мужчины выходили на заслуженную пенсию. Чаще всего – в первый же день после дня рождения. За неделю до которого происходили торжественные проводы. Со слезами, награждениями, водкой и мордобоем. А если пенсионеры работали дальше, то для всех других они становились стариками, ветеранами, отработанным материалом.

Если статистика не врет, до пенсии доживали в СССР (и доживают сейчас, в путинской России) только семь мужчин из десяти, к шестидесяти пяти их оставалось четыре с половиной, а до семидесяти доживали только полтора человека. Могикане!

80 – число огненное. Обозначенная Всевышним граница жизни.

Восьмидесятилетние мужчины встречались в СССР редко, они считались долгожителями. Это были динозавры. Пережитки прошлого. Рамолики и отжившие свой век развалины... вечно больные, ворчливые, придирчивые... полуслепые, тугоухие, пованивающие... корчащиеся в больницах и домах для престарелых или сидящие на шеях постаревших детей, ожидающих их смерти. И отравляющие все вокруг себя гноем старости. Были конечно и исключения. Например, мой родственник Алексей Борисович Певзнер, знаток конструктивизма, доцент по специальности «металловедение» и ярый антисоветчик, вышел на пенсию в шестьдесят лет и сказал: «Ну теперь поплатят мне большевички. Я буду жить долго!»

И действительно, прожил еще 27 лет, и умер, здоровый как огурчик, во сне, гостя у шестидесятилетней дочери в Будапеште. В Будапеште дядя Лёля (так звали его дома) случайно гостил и в 1956 году и видел... все видел... И часто

говаривал: «Я-то знаю, что надо сделать со всеми брежневскими-суловыми и их опричниками с Лубянки – на фонарных столбах повесить кверху жопами. Я это видел у венгров! Только разве от русских советчиков дождешься чего хорошего? Крысы и нелюди».

90 – число ледяное. Тут и комментарий бесполезен. Не только люди и их дела, но и память о них, и сами слова замерзают, не выдержав оцепенения небытия. А 100 – это уже не число, а нечто юбилейно-статистическое.

В будущем году будет столетие ВОСР. Помните еще, что это такое? Столетие кромешного ужаса и торжествующей подлости. В которое давно пора воткнуть осиновый кол, а вместо этого запутинцы-крымнаши кормят проклятую гадину своей и чужой кровью... пытаются оживить смердящий труп СССР.

...

Шестидесятилетие притягивало и пугало. Многие надеялись на то, что, вот, мол, выйду на пенсию, и тогда отдохну, порыбачу, займусь наконец садом... лечением... воспитанием внуков... почитаю вволю... поиграю на трубе... посмотрю мир... напишу роман... выучу японский... посету семью умершего брата в Ленинграде... разведусь...

Но почти ни у кого из этих «пенсионных мечтателей» не получалось ничего. Хорошо еще, если они не умирали в сорок или пятьдесят, а через пять лет после выхода на пенсию не ходили под себя.

А сколько было страхов! Океан ужаса. Уволят и стаж, стаж, понимаете, стаж прервется! Да что вы, не дай бог!!! Характеристику испортят – понизят зарплату, пенсия будет пятьдесят рублей. Не дадут персональную пенсию, а я всю жизнь на них ишачил!

Сколько из-за будущей пенсии, маячившей сладкой розовой полосой на свинцовом небосводе трудящегося совка, происходило инфарктов, инсультов и опоясывающих лишаев... Какой черной завистью пылали люди к тем, кто получит пенсию большую, чем они. Высчитывали бесконечно проценты... Жили не сегодняшним днем, а будущим, которое никогда не наступало... Как портили себе и другим нервы... каждый день, каждый день. Какие интриги устраивали... подсиживания, коллективную травлю, увольнения по сокращению штатов, проверки, персональные дела.

А после выхода на пенсию вдруг понимали, что вся чехарда, весь цирк не только не стоил свеч, но и растоптал их свободу, сожрал их молодость, их жизнь и здоровье. Что все их диссертации, выступления, открытия... еще при их жизни разворованы или втоптаны в грязь, а сами они забыты или вычеркнуты из истории. Что ВСЕ, все их амбиции, бесконечные труды и хлопоты, надежды и свершения, подлости и самопожертвования... все было, с самого начала, как сказано в Книге Книг, только «суетой сует».

Старики умирают и приходят новые поколения белок и хомяков, которые влезают в те же колеса, и крутят, крутят их и бегут, бегут, задыхаясь, из последних сил перебирая лапками... бегут всю жизнь к пенсии... бегут, бегут, часто до самой смерти, теряя все дорогое и важное, не щадя никого... и приобретая только хвори.

Вот и я пробежал свои шестьдесят.

Нет, прошел пешком, с любопытством поглядывая по сторонам, останавливаясь и подолгу созерцая картинки и ландшафты, слушая музыку сфер и обходя многолюдные толпы и коллективные кормушки, пропуская орды бегунов вперед.

Бегите, бегите... достигайте, добивайтесь, хапайте, жрите. А я... потихоньку пойду. Куда спешить? На лужок, да под дубок.

...

Мне часто снятся «сны прогульщика».

Может быть потому, что часто прогуливал школу, и в университет наведывался редко, и с работы уходил в час. А чего там торчать? В мертвом доме. И в Германии, вместо того, чтобы зарабатывать на пенсию, на акции, на мерседес, на домик с садиком и радикулитом, на мебель, ковры, путешествия, электронику и молодых сочных сучек, бил до остервенения баклуши...

«Сон прогульщика» начинается обычно с того, что я куда-то иду, или еду на поезде или автобусе, или даже лечу на самолете. Поезд, автобус, самолет конечно не похожи на реальные транспортные средства. Это что-то большое, деревянное, неуклюжее, трясущееся, угрожающее, люди там сидят на полу или на потолке, поют хором какую-нибудь заунывную песню и вяжут из пестрой шерсти свитера... или бумажки рвут.

Люди? Нет, в моих снах никаких людей нет, есть заполненные чем-то человекоподобные фигуры, что-то вроде манекенов, только не из пластика или из дерева, а из темноты, капелек пота, скорлупок чувств, глины воспоминаний. Мы проезжаем или пролетаем «моря», «долины», «горы»...

Все это разумеется тоже не настоящее во сне. А как будто халатно слепленное из папье-маше полоумным орнитологом-любителем. И в субстанцию ландшафтов щедро вкраплены мои ощущения, представления, ошибки и страхи, которые постоянно меняют формы этих «морей», «долин» и «гор».

Подсвечивают и подлаживают.

Тянут и разрывают.

Надстраивают и сносят.

Приехали, прилетели, вышли из автобуса, поезда, самолета, и я тороплюсь, тороплюсь в «школу».

Школа во сне – тоже не имеет ничего общего с школами, в которых я когда-то учился. Это не здание, а сложная многоэтажная конструкция, слепленная из опавших листьев, внешнего вида вовсе не имеющая, а изнутри напоминающая архитектурные фантазии Пиранези, из цикла «Темницы». Особенно ту гравюру, в которой видны готические арки. Единственное, что отличает мою «школу» от темницы с готическими арками Пиранези – это наличие в школе длинных полутемных «залов» или пустот, таящих всевозможные неожиданности и ловушки. С потолков там свисают веревки. Канаты, лески с крючками, шнуры, петли.

Я, заключенный этого мрачного пространства, стою в одном из таких залов... жду...

Наконец откуда-то приходят другие школьники... «одноклассники». Это не дети, а крупные, больше меня, составленные из больших темно-серых кубиков, фигуры. На гранях кубиков – возникающие и исчезающие записи, рожицы и тещины языки. «Одноклассники» – в группе. Они сговорились. А я один. Они прилежно учились в «школе». Посещали занятия. Они – знают материал. А я не знаю ничего. Даже то, как зовут учительницу. Меня не было. Я прогулял.

Отсутствовал. Я не знаю, как расколоть эти головоломки. Не знаю, как правильно собрать кубик-рубик. Не умею брать интегралы по частям. Забыл

чему равняется синус трех икс. И как построить трапецию с помощью жопы и пальца.

Сейчас будет контрольная. Я провалюсь. Меня выгонят из школы. Не дадут аттестата. Я не смогу поступить в университет. Меня заберут в армию.

Покалечат. Я не получу пенсию. Проживу жизнь больным и бездомным, роясь в отбросах.

Ужас! Ужас!

Приходит учительница. Она – манекен, составленный из пирамид лжи и притворства. И еще – она лисица. Стережет лисят. Теревит их за ушки. В руках у нее книги – это задания контрольной. Она их раздает ученикам...

пританцовывает и напевает песенку про отличников. Дает и мне. Я открываю эту страшную книгу. Из нее сыпятся на темный щербатый пол формулы, слова, числа, фразы, абзацы – как крупные перфорированные чешуйки черной рыбы...

Учительница повернула свое лицо-пирамиду ко мне... уставилась, лисья морда!

Все смотрят на меня. Злорадствуют... Ждут, что я закричу как павиан.

Я слышу смешки и насмешливые реплики.

Боже, как же я выкручусь? Что же мне делать?

Погибать, погибать...

...

И тут, когда я уже ломаю пальцы от отчаяния, ко мне как маленький светящийся шарик летит через весь этот ужас – мысль. Мысль и уверенность. И начинается метаморфоза. Преображение. Я теряю страх и гордо встаю в позу атланта. Я держу небеса и звеню, как колокол. И говорю – гордо, громко, без запинки, ведь силы и память уже возвратились ко мне – я закончил вашу задрипанную школу и получил ваш аттестат, поступил в МГУ и закончил его. Я работал на вас десять лет, а потом уехал от вас. Навсегда. Мне не надо писать вашу контрольную. Я сдал все экзамены. Мне шестьдесят лет.

Фигуры моих одноклассников и учительницы съезживаются, падают, исчезают... исчезает и ужасная школа и сквозь полузакрытые веки я начинаю различать окна и жалюзи нашей берлинской спальни. Пора варить кофе...

Сон этот повторяется часто. Только вместо школы появляется университет или институт, а вместо одноклассников – кафедра и коллеги.

...

Эмиграция моя была, увы, не триумфальным шествием атланта или молодого Зигфрида, а отступлением, побегом. В Германии я не попал в капиталистический рай, а был насильно помещен на территорию бывшей ГДР и проведен там сквозь строй всяческих унижений.

Первый год эмиграции я был бездомным, жил в лагере-общежитии в городке Глаухау, потом в другом лагере, в Мееране, затем в чужой квартире в Дрездене и только в августе следующего года снял квартиру в городе К., грязную, холодную конуру с печным отоплением. Но возвращаться в Москву, в мою теплую кооперативную квартиру, полную любимых книг и картин, я не хотел. Ни за какие коврижки. Уехал, значит уехал. Баста.

Возможно, эта моя временная немецкая «бездомность», наглость и злоба немецких чиновников, с которыми пришлось иметь дело, и потеря московской квартиры и породили второй сон, который приходит ко мне регулярно, раз в две-три недели.

Это «сон бездомного эмигранта».

Начинается он хорошо. Я еду себе в берлинском с-бане.

Разумеется, и Берлин и с-бан в моем сне не похожи на реальный город и на городскую электричку. Вагон с-бана смахивает на вагон московского метро времен моего детства, а Берлин похож на все большие города, в которых мне довелось побывать – Нью-Йорк, Париж, Рим...

Въезжаем мы в какой-то туннель и долго-долго по нему тащимся. Внезапно отваливается крыша вагона, и вагон едет без крыши... беззвучно отваливаются... пропадают... и стены... и вот, я еду уже не в вагоне, а на платформе с сидениями... никого кроме меня, на платформе нет... и платформа с страшным скрежетом падает в колодец с вертикальными рельсами. Скользит вниз.

Выныриваю на улице какого-то города. Знаю, это – Москва. Хотя город этот на Москву и не похож. Скорее, это город К., почти все дома в нем – трехэтажные, такие, какие строили в Германии в двадцатых годах. Кирпичные, с маленькими окнами и покатыми крышами... с легким привкусом Баухауза и с элементами неизжитого еще Югендстиля...

И тут, тоже стены и крыши домов, асфальт, фонари, автомобили, трамваи – не предметы, а испарения, миражи... морок. Отвердевшее, но постоянно ускользающее, не поддающееся анализу подсознание... недоносок разума. Или над-сознание... предчувствие... предвидение... нечто из будущего. Может, и не моего.

...

Ты идешь по улице этой «Москвы», а она тебя не держит... и ты проваливаешься сквозь картонный асфальт в ад...

Тыходишь в магазин, а там вместо людей – безглазые манекены, отражения, куклы, пародии.

И в этом безумном городе, в этом вывернутом наизнанку мире, ты, повинувшись ур-инстинкту, начинаешь искать твой дом. Твой потерянный дом.

Ищешь метро, чтобы проехать в нем в «Ясенево» или к «Метро Университет».

Опускаешься вместе с толпой зомби в шахту и замечаешь, что поезда этого метро, похожие на составленные вместе вагончики американских гор, ездят только вниз и вверх... делают под землей мертвую петлю.

А если ты находишь свой старый дом с башенками, то видишь – рядом с домом течет река, широкая, полноводная... только вместо воды в ней – миллиарды скомканных, грязных бумажек... это документы... заявления... запросы...

паспорта... визы... а настоящая река, из воды, течет теперь через твою квартиру... и ты знаешь, что она уже унесла в небытие твои книги, твою жизнь.

И вот... нет ни прошлого, ни будущего, нет родных и друзей, есть только этот страшный город, эта потусторонняя «Москва», а ты – никому не нужный бездомный...

И ты бежишь и бежишь, и ищешь свой дом, которого больше нет. А если ты случайно находишь его... и падаешь в изнеможении на пол... и раскрываешь любимые книги и обнимаешь любимую... Не проходит и пяти минут, как какие-то неизвестные люди входят в квартиру... их стертые лица трясутся от злобы, их руки хватают все, что попадет, и бросают на пол, который превращается в зияющую пропасть, их страшные пасти раскрыты и они орут, как мартовские коты, высунув длинные раздвоенные языки.

Один раз во сне я решил покинуть «Москву»... и долго-долго бегал по ее

пустым гулким улицам... переплывал реки и каналы... перепрыгивал пропасти, влезал по фасадам на редкие высокие здания (входы в них были замурованы), чтобы увидеть, где же начинается окраина, где окружная дорога. Но у потусторонней «Москвы» нет окраин, нет окружной дороги, нет границы... однажды попав в нее, будешь метаться по ней все оставшееся тебе на Земле время.